

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РЫЦАРИ ПОРОГА

ТОМ

1

РОМАН ЗЛОТНИКОВ,
АНТОН КОРНИЛОВ

ВРЕМЯ ТВАРИ

Книги Романа Злотникова и
Антон Корнилова в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Цикл
«РЫЦАРИ ПОРОГА»
ПУТЬ К ПОРОГУ
БРАТСТВО ПОРОГА
ВРЕМЯ ТВАРИ

Книги Романа Злотникова

СОБОР
РУССКИЕ СКАЗКИ
ЭЛИТА ЭЛИТ

Цикл
«БЕРСЕРКЕР»
МЯТЕЖ НА ОКРАИНЕ ГАЛАКТИКИ
БОЙЦЫ С ОКРАИНЫ ГАЛАКТИКИ
ПРИНЦЕССА С ОКРАИНЫ ГАЛАКТИКИ

Цикл
«ГРОН»
ОБРЕЧЕННЫЙ НА БОЙ
СМЕРТЕЛЬНЫЙ УДАР
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА
ПРЕКРАСНЫЙ НОВЫЙ МИР
ПОЩАДЫ НЕ БУДЕТ

Цикл
«ВЕЧНЫЙ»
ШПАГИ НАД ЗВЕЗДАМИ
ВОССТАВШИЙ ИЗ ПЕЛАА
И ПРИШЕЛ МНОГОЛИКИЙ...
ПОСЛЕДНИЙ РЕЙД

Цикл
«ИМПЕРИЯ»
ВИВАТ ИМПЕРАТОР!
АРМАГЕДДОН

Цикл
«АРВЕНДЕЙЛ»
АРВЕНДЕЙЛ
ГЕРЦОГ АРВЕНДЕЙЛ
АРВЕНДЕЙЛ. ИМПЕРАТОР ЛЮДЕЙ
В соавторстве с Александром Воробьевым
РОНИН

В соавторстве с Антоном Красновым
ЛЕННАР. СКВОЗЬ ТЬМУ И... ТЬМУ
ЛЕННАР. КНИГА БЕЗДН
ЛЕННАР. ПСЕВДОНИМ БОГА
ЛЕННАР. ЧУЖОЙ МОНАСТЫРЬ

В соавторстве с Олегом Маркеловым
КРЫЛО АНГЕЛА

В соавторстве с Сергеем Мусанифом
ВСЕЛЕННАЯ НЕУДАЧНИКОВ
МАНЕВРЫ НЕУДАЧНИКОВ
ШАНС ДЛЯ НЕУДАЧНИКОВ

Книги Антона Корнилова
КОСТЬ ВОЙНЫ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РОМАН ЗЛОТНИКОВ,
АНТОН КОРНИЛОВ

ВРЕМЯ ТВАРИ

РОМАН В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 1

Москва, 2011
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

ПРОЛОГ

Огромно королевство Гаэлон. Оно много больше каждого из Шести Королевств. Оно занимает едва ли не половину всех земель, заселенных людьми. Оно простирается на север до самых Ледников Андара, за которыми открывается Вьюжное море, где господствуют жестокие воины Утурку, Королевства Ледяных Островов. Королевством Утурку называют лишь по давней традиции, а в действительности каждый из Ледяных островов, разбросанных по Вьюжному морю, принадлежит вождю племени, этот остров населяющего. Не родился еще в Утурку монарх, способный объединить все Ледяные острова в единое государство... За владениями Утурку колышут свои могучие волны Темные Воды — неизведанные морские просторы, царство тьмы, холода и диковинных водяных существ, полурыб-полузверей, которых никто никогда не видел, о которых лишь рассказывают пугающие легенды... С вершин Ледников Андара берет начало величайшая река Гаэлона — Нарья, рассекающая королевство надвое, будто изогнутый синий серп.

На востоке Гаэлон граничит с Голубыми Лесами. Там, в этих лесах, где когда-то безраздельно властвовали древние лесные духи и свирепое зверье, люди отвоевали себе место и право на жизнь — там находится королевство Кастария — государство, в незапамятные времена выросшее из поселений храбрых охотников и лесорубов. А еще дальше на восток лежат совсем уж непроходимые Медвежьи Дебри. Люди не живут в тех местах. Отчаянные охотники, осмелившиеся забрести туда, редко возвращаются обратно. Говорят, Медвежьи Дебри получили свое название из-за того, что в мрачных та-

мошних чашобах обитают громадные черные медведи, наделенные разумом, почти сравнимым с человеческим...

На юге Гаэлон отгорожен вершинами Скалистых гор от королевства Марборн — второго по величине и могуществу государства на землях, обжитых людьми. В ущельях Скалистых гор находится исток Тринты — реки, лишь немного уступающей полноводностью и протяженностью великой Нарье. Текущая через весь Марборн Тринта на дальних рубежах королевства круто поворачивает на восток и разветвляется на множество мелких речушек. А по ту сторону изгиба Тринты начинаются Земли Вассы — скудные степи, исхлестанные плетьюми никогда не стихающего ветра. На Землях Вассы живут только полудикие кочевники, да — поговаривают — все еще встречаются представители странного древнего народа — существа ростом с человека, но с непомерно длинными руками и узкими лисьими мордами. Еще дальше на юг раскинулись Красные Пески, гиблое для людей место, где обитают лишь бесплотные духи пустыни; за Красными Песками находятся оазисы и соленые озера далекого королевства Орабия...

На северо-западных рубежах Гаэлона высятся Белые горы. В тех горах надежно укрыты от диких племен варваров-горцев оплоты цивилизации: королевство Крафия, славящееся своими университетами и обсерваториями, и маленькое, но воинственное княжество Линдерштерн.

На юго-западе Гаэлон не имеет укрепленных границ. Ибо не от кого охранять королевство. Там угрюмо молчат Каменные Пустоши, одинаково враждебные и для человека, и для зверя. Лишь преодолев Каменные Пустоши, можно достигнуть практически необитаемых Синих гор. Нет людей в Синих горах. Но в этих горах спрятаны древние гномьи города: здесь их столько, сколько нет нигде — ни в Белых горах, ни в Скалистых... С вершин Синих гор гремят водопады, дающие начало бурной реке Горше. На ее берегах еще изредка встречаются отдельные поселения людей... и не только людей. В этих землях селятся отшельники, по каким-либо причинам не нашедшие себе места ни в одном из Шести Королевств. Далеко катится Горша, постепенно замедляя свой бег. И прозрачные воды ее мутнеют, бурая тина сковывает течение, и

русло ее становится все уже, и дно становится мельче, и по берегам ее уже не луга и леса, а болотная трясина, из которой кое-где торчат кривые деревца, точно стыдящиеся своего уродства и оттого ниже пригибающиеся к земле. Здесь начинаются Туманные Болота: земли, на которые не спешит претендовать ни одно из Шести Королевств. Никто не знает, сколько плодородной земли пожрали Туманные Болота, и никто не знает, что лежит там, за Болотами. Потому что никто никогда не пересекал их...

Человек осторожно ступил на мостовую, выложенную одинаково округлыми, неярко поблескивающими камешками, похожими на серебряные яйца. По обе стороны от мостовой высились деревья — человек никогда раньше не видел таких деревьев: стволы цвета теплого молока были идеально ровными, точно гигантские свечи, а высоко-высоко наверху голубовато-зеленые кроны неслышно колыхались легкими облаками, почти сливаясь со светлым небом.

Человек прошел несколько шагов, ступая по чудесной мостовой неловко и неуверенно, словно боялся, что все вокруг — это мираж, который может развеяться, если он вдруг сделает что-то не так.

Роща закончилась неожиданно, и тут перед человеком открылся такой небывалый простор, что он почувствовал, что задыхается, будто в лицо ему ударила упругая волна сильного ветра.

Вокруг, насколько хватало взгляда, расстилалась бескрайняя равнина, и травы ее переливались множеством цветов — словно мягкая шерсть невероятно огромного сказочного зверя. На горизонте угадывались очертания замка — и человеку показалось, что стены и башни его сложены не из грубого камня, а из горного хрусталя, наполненного солнечным светом.

А солнце...

Человек поднял голову и не удержался от счастливого смеха. Солнце здесь было необычайно большим и близким; его медово-желтый шар заполнял собой половину

неба, и смотреть на этот шар было вовсе не больно. Его свет ласкал глаза.

Впереди, в нескольких шагах, за серебряной мостовой журчала неширокая речка, и вода в ней была голубая-голубая, какая может быть только во сне. Горбатый мост, перекинутый через речку, казался отлитым из синего льда, а его перила напоминали морозные узоры на стекле.

Человек взошел на мост и остановился, глядя в воду, где кружили, смешиваясь друг с другом, стаи крохотных золотых рыбок.

И тут его окликнули. Не по имени. Он, кажется, даже не услышал ничего голоса, а просто почувствовал, куда нужно посмотреть.

По ту сторону моста, по грудь в траве, волнообразно меняющей цвет, улыбаясь, стояла девушка.

И она оказалась прекраснее всего, что человек увидел здесь. Огромные ее глаза, полуприкрытые пушистыми ресницами, завораживающе мерцали. Именно мерцали — в их темной глубине то вспыхивали, то гасли колдовские искры. Человек не чувствовал никакого ветра (удивительная разноцветная трава колыхалась точно сама собой), но длинные, светло-зеленые волосы незнакомки струились по воздуху, словно нежные стебли водорослей в проточной воде.

Она двинулась к нему, выходя из травы, и человек даже застонал от мучительно-сладострастного жара, охватившего низ его живота. Ее тело было совершенным... Нет, даже больше, чем совершенным. Наверное, такие тела создают для себя богини, когда спускаются на землю.

Она остановилась на противоположном берегу реки у подъема на мост и призывно поманила рукой.

Человек рванулся вперед... Но тут же остановился. Ледяная игла тревоги вонзилась в его сердце и растаяла, затопив тело холодом. Человек отступил. С трудом отвел взгляд от улыбающейся красавицы.

Разве может она улыбаться — ему? Разве может она звать — его?

Он снова посмотрел в воду, ища там свое отражение. Он ожидал увидеть там уныло-вытянутое лицо, изборожденное

морщинами шестидесятилетнего мужчины, бескровные тонкие губы, маленькие выцветшие глазки, высокий с залысинами лоб, под которым кустились седеющие брови, — он ожидал увидеть там самого себя. Но вода волшеббно преобразила человека: морщины исчезли, глаза зажглись юным огнем, губы налились кровью, кожа, посвежев, стала светлой и чистой, а залысины прикрыли густые черные кудри. Человек снова стал таким, каким был в двадцать лет. Нет, пожалуй, и в двадцать он не был таким красавцем...

И тревожный холод исчез из его груди. Он мгновенно и твердо принял свой новый облик, он с радостью подумал о том, что теперь таким и останется.

Навсегда.

Уже ничего не боясь, человек сбежал с моста и остановился перед зеленоволосой красавицей.

— Приветствую тебя, муж и господин мой, — сказала она, оплетая его шею руками, нежными, как молодая листва, с которой еще не стерли пушок. — Меня зовут Лисиэль.

— Лисиэль, — повторил человек, ничего не видя, кроме глаз собеседницы. Он хотел назвать свое имя, но вдруг понял, что забыл его.

— Я жена твоя и раба, — проговорила девушка, и искорки в ее огромных глазах запульсировали ярче и чаще. — А это... — она указала назад, на хрустальный замок, — наш дом.

— Дом...

— Твой путь был долог и тяжел, но с этого дня все будет по-другому. Поспеши, слуги уже приготовили тебе постель и наполнили золотые кубки густым вином. Тебе нужно отдохнуть с дороги...

— Лисиэль?.. — снова затревожился человек.

— А я присоединюсь к тебе чуть позже, — сказала она и разомкнула объятия.

Та, что называла себя Лисиэль, улыбнулась, и человек с готовностью улыбнулся в ответ. Теперь тревога исчезла окончательно. Он побежал к хрустальному замку, и ему было легко бежать — ведь он даже не касался ногами земли. Он ступал по разноцветным стеблям, а они пружинили, подкидывая его тело еще выше...

«Иат, — вдруг пришло ему на ум странное слово, которое он недавно пытался вспомнить. — Что это значит? Иат... Впрочем, какая теперь разница?..»

Рубиновый Мечник Аллиарий, Призывающий Серебряных Волков, позволил себе стать видимым. Он сидел на удобном изгибе перил моста, поджав ноги и скрестив руки на груди, и беззвучно смеялся, едва разжимая губы. Мгновением позже, как он появился в сладком неподвижном воздухе, Лисиэль услышала его смех.

Аллиарий поднялся на ноги и встал на мосту, выпрямившись во весь десятифутовый рост.

— Это удивительно забавно! — проговорил он. — Клянусь Божественным Рубиновым Пламенем, эти *гилуглы* настолько глупо выглядят... Ты только посмотри на него!

Он указал на человека, спотыкливо бегущего в гуще разноцветной травы в сторону хрустального замка. Человек на бегу высоко задирает острые худые коленки и смешно взмахивал руками, будто пытался взлететь. Даже отсюда было слышно его хриплое неровное дыхание — тяжело так прыгать, когда тебе уже стукнуло шестьдесят лет.

— Он, наверное, помрет, покуда добежит, — смеясь, сказал Рубиновый Мечник. — Пусть ему кажется, что он вот-вот достигнет ворот, но на самом-то деле отсюда до замка... три сотни шагов.

— Три сотни *наших* шагов, — брюзгливо заметила Лисиэль, — а шагов *гилуглов* от моста до замка будет... не менее пяти сотен.

— Пожалуй, — согласился Аллиарий, глянул на обнаженную Лисиэль и снова засмеялся.

Он видел ее не такой, какой она предстала человеку, а истинный облик. Лисиэль выглядела так, как и полагалось эльфийке, живущей на свете более ста тысяч лет. Она была много выше Аллиария — ведь эльфы растут всю жизнь, как деревья. Голова ее, увенчанная на затылке неопрятным пучком грязно-бурых волос, тряслась, отчего дряблая кожа под острым подбородком бултыхалась мешочками складок. Об-

висшие груди покоились на вздутом животе, понизу обросшим густым зеленым мхом. Колонноподобные ноги оплывали набухшими под кожей пузырями жира.

— Неужели нельзя было привести мне кого-нибудь помоложе? — проворчала, поморщившись на смех Рубинового Мечника, Лисиэль. — Этому *силуглу*... наверное, лет двести или триста.

— Что ты, обожаемая матушка, — ответил Аллиарий. — Ему около полусотни лет.

— Он юн? — оживилась Лисиэль.

— О нет, — сказал Призывающий Серебряных Волков, — *силуглы* редко доживают до ста лет. Матушка, как мало ты знаешь о них!

Эльфийка фыркнула.

— Тем не менее, — продолжал Аллиарий, — ты можешь рассчитывать на то, что он останется с тобой еще лет триста или четыреста... Хотя со своим темпераментом, я думаю, ты загонишь его в могилу гораздо раньше.

— Он получит то, чего желал, — резонно возразила на это Лисиэль. — Среди себе подобных разве он мог рассчитывать на это?

— Конечно нет, — сказал Аллиарий и снова рассмеялся, глядя, как человеческая голова то появляется, то исчезает над волнующейся поверхностью разноцветной травы.

Часть первая ПУТИ ДОЛГА

ГЛАВА 1

У каждого человека есть талант. Просто большинство не открыли его в себе и вынуждены всю жизнь заниматься делом, к которому не имеют ни дарований, ни желания, — тратя на это дело несоизмеримо больше сил, чем потратил бы кто-то другой, более в этом способный, а отдачи получая несоизмеримо меньше. Такой человек от рождения до смерти будет страдать, подспудно осознавая свою никчемность: безразлично, на какую ступень пирамиды человеческого тщеславия поставила его судьба — вельможи или сапожника. Такой человек в худшие минуты будет клясть свою жизнь, надоедая жалобами родным, друзьям и богам, — и уж точно никогда не будет счастлив.

Иат эту истину усвоил давным-давно, поэтому в свое время вполне мог считать себя счастливым человеком... наверное, самым счастливым в Дарбионском королевском дворце, где служил с юных лет; да что там — самым счастливым во всех Шести Королевствах: великом Гаэлоне, Марборне, Орабии, Кастарии, Крафии и княжестве Линдерштерн. Кто-то родился с талантом воина, кто-то — с талантом дровосека, кто-то — с талантом мага. А Иату боги даровали редкий, особый талант.

Иат родился при дворе одного из гаэлонских баронов, в семье кухарки и постельничего, и начал прислуживать на кухне уже с шести лет. Нравится ему эта работа или не нравится — он не задумывался. Когда ему исполнилось восемь, его перевели в господские покои — мальчиком на побегушках. Непонятно, чем руководствовался старый ключник Арам, заведовавший в баронском замке назначением слуг.

Восьмилетний Иат красотой не отличался: был не по годам долговяз, имел бледную вытянутую физиономию и на мир смотрел по-птичьи круглыми, словно навсегда испуганными глазами. И вообще, он производил впечатление дурковатого малого — следовательно, радовать взгляд барона и его семьи никак не мог. К тому же говорил Иат так, будто рот у него был вечно набит горячей кашей, и когда ходил, постоянно натывался на мебель и двери своими острыми коленками. Но тем не менее в господских покоях Иат задержался надолго, а к своему десятилетию даже поднялся до личного слуги юной дочки его сиятельства господина барона. Целых три года Иат добросовестно исполнял поручения шестнадцатилетней баронессы, попутно прислуживая и другим членам господской семьи. А потом грянул скандал: юная красавица, наследница немалого состояния, сбежала из отчего дома с сыном ближайшего соседа барона — обнищавшего старика-графа, владевшего только деревенькой из пятью хижин, кукурузным полем, на котором кукуруза не родилась уже много-много лет, и полуразвалившимся замком. Сам барон никогда не снисходил до общения с этим соседом, уж конечно не делал ему визитов и у себя не принимал. Вряд ли он даже вспоминал о существовании бедняка, беспечно травя зайцев на запущенном, заросшем бурьяном графском поле. И как могла его юная красавица-дочь, без отцовского разрешения не имевшая права покинуть замок, сойтись с отпрыском этого горе-феодала, он не понимал. Не иначе как молодой прощельга-сосед подкупил кого-то из баронских слуг...

Все слуги барона сразу же после скандала были с пристрастием допрошены и на всякий случай выпороты. Но хитроумного предателя, через которого общались влюбленные, так и не вычислили.

Иат оказался единственным, кто избежал и прилюдного допроса, и порки.

— Этот дурачок собственный зад полдня ищет, чтобы подтереться, — преувеличенно презрительно высказался барон, — чего с него взять...

— А когда находит, забывает, зачем искал, — согласилась с этим доводом его супруга с поспешностью, которая, впрочем, ускользнула от внимания барона.

Таким образом, подозрения с Иата были легко и просто сняты. И все время, пока последствия неслыханного происшествия сотрясали господские покои, Иат спокойно просидел на кухне, ковыряя в носу. Он ни о чем не беспокоился и ничего не боялся. Он был абсолютно уверен, что ему ничего не угрожает. А когда все утряслось, жизнь в замке потекла своим чередом. Как и раньше, Иат почти каждую ночь, когда все обитатели замка крепко засыпали, впускал в свою каморку под лестницей баронского конюха Грама, здорового детину с разумом пятилетнего ребенка, облачал Грама в женское платье и тайком провожал в опочивальню барона... Как и раньше, Иат почти каждый день отправлялся к оврагам в часе ходьбы от замка, собирал там ягоды *волчьего дурмана*, растирал добычу в однородную кашицу, которую потом высушивал на костре. И получившийся порошок доставлял баронессе...

Иату было глубоко безразлично, что вытворял с Грамом барон в полутьме своей опочивальни. Так же мало волновало его, почему и когда баронесса пристрастилась к ядовитому зелью, которое забивают в трубки и курят деревенские горькие пьяницы, когда не могут достать ни самогона, ни пива... Иат просто выполнял поручения. Он был прирожденным Исполнителем Поручений. Такой дар невозможно приобрести, с ним нужно было родиться. Он делал ровно то, что от него требовалось, никогда не задавая вопросов и никогда никого в свои дела не посвящая. Ко всему прочему, исполняя поручения барона втайне от баронессы и исполняя поручения баронессы втайне от барона, Иат и не думал плести никаких интриг. К чему бы? Пусть барон считает, что только лишь его секрет надежно скрыт в длиннолицей, похожей на лошадиную башку, голове Иата. Пусть баронесса полагает то же самое в отношении себя. Так лучше и так безопаснее... Не нужно наживать себе врагов.

Для всех Иат был медлительным, нескладным мальчишкой, которому так и хочется врезать подзатыльник, чтобы

хоть немного придать бодрости, но те, кому такой, как Иат, был необходим, словно чувствовали его редкий потаенный талант...

Почти у каждого есть за душой постыдная греховная тайна — накрепко уяснил Иат. И, питая эту чужую, скрываемую от всех страсть, ты обретаешь над тем, кому прислуживаешь, самую настоящую власть.

Ну и, конечно, денежки...

Каждую неделю Иат в сумерках пробирался на задний двор замка и там, между выгребной ямой и замковой стеной, открывал свой тайник — глубокую нору, надежно прикрытую тяжелым камнем. На самом дне этой норы лежали золотые серьги давно сгинувшей где-то юной дочери барона и тяжелый фамильный перстень, принадлежавший когда-то ее возлюбленному...

Когда Иату исполнилось четырнадцать, он опустошил тайник, увязав его содержимое в нищенский узелок, и с тем узелком (кто бы мог подумать, что там найдется нечто ценнее ломтя хлеба и луковицы!) навсегда покинул замок, где родился и вырос.

Иат отправился в Дарбион, столицу королевства. Он несколько не сомневался, что в таком большом городе найдет своим способностям лучшее применение. Так и случилось. Не прошло и года, как Иат оказался в Дарбионском королевском дворце в качестве слуги одного из вельмож. Тут уж, во дворце, среди изнеженных придворных, разбалованных доступными наслаждениями, он развернулся вовсю. Иат потратил целый год и не одну сотню золотых газлонов, чтобы свести нужные знакомства в Ночном Братстве. Правда, общаясь с Ночным Братством, Иат соблюдал осторожность — при встречах с Братями он скрывал свое лицо глубоким капюшоном и ничего не говорил, чтобы они не могли потом узнать его голоса; использовал пластину темного дерева, на которой мелом писал все, что ему было нужно. И получил от Ночного Братства прозвище — Немой. На то, чтобы изучить часть потайных ходов в стенах древнего огромного дворца, у Иата ушло больше времени — около трех лет. Но результат стоил потраченных усилий. Единовременно Иат оказывал

услуги десяти и более вельможам, причем каждый из них был уверен, что он — единственный, для кого Иат выполняет *особые поручения*.

Иат приводил во дворец для вельможных утех и невинных детей, которых по его заказу похищали на улицах города члены Ночного Братства, и прожженных шлюх, годами оттачивавших свое мастерство в задних комнатах кабаков, и уродов, причудливо изувеченных специально для пресыщенных любителей чего-то необычного... Случалось, он доставлял из дворца главарям Братства хорошенькую фрейлину, удостоившуюся чести греть постель самого короля — в таком случае, конечно, фрейлина обратно не возвращалась. Бывало, приходилось Иату и подсыпать яд в чей-нибудь кубок с вином, бывало — водить безмолвных убийц потайными ходами в покои, двери которых охранялись получше иных сокровищниц. Не один раз Иат замуровывал в известных только ему дворцовых тайниках обезображенные трупы, оставшиеся после оргий вельмож, чьи пристрастия наводили на мысль об одержимости демонами... Для Иата не было ничего невозможного.

Время шло, и все чаще и чаще Иата стало посещать странное чувство. Ему миновал уже пятый десяток, не за горами была старость... Иат понимал, что придет пора, когда ему нужно будет уйти на покой. И что тогда? Нет, дело было не в деньгах... В потайных дворцовых ходах у Иата было припрятано достаточно золота, чтобы обеспечить себе не один десяток лет поистине королевской жизни. И дело было не в одиночестве — род занятий Иата не позволял ему обзавестись семьей, да и сам он этого не хотел. Плотская сторона жизни давно обрыдла ему, отвратила от себя — и ничто не могло удивить или взволновать Иата. Та отстраненность, с которой он воспринимал пороки своих клиентов в детстве и юности, в зрелом возрасте уже растаяла. Раз за разом удовлетворяя чужие извращенные страсти, он как бы сам принимал участие в их осуществлении, хотя на самом деле никогда не дурманил себя наркотиками, не напивался допьяна и не делил постель

ни с женщиной, ни с мужчиной. Что же он будет делать, когда уже не нужно будет выполнять *особые поручения*? Чем наполнит свою жизнь, когда отпадет необходимость жить жизнями чужими?

И как-то раз он вдруг понял. Если все доступные человеку удовольствия давно вызывают в нем только чувство отвращения, значит, необходимо искать успокоения вне мира людей...

Где?

На этот вопрос существовал только один ответ.

В Эльфийских Чертогах. Там, где растения цветут круглый год, лишённые неизбежности увянуть и превратиться в зловонную гниль; там, где в хрустальных замках с алмазными башнями, в просторных залах, освещаемых пылающим ясным огнем оперением говорящих птиц, на золотых полках теснятся чудесные *поющие книги*, в которых собрана тысячелетняя мудрость древнего народа. Там, где в тенистых рощах бродят тонконогие единороги и серебряные волки. Там, где живут, не думая о смерти и не зная смерти, — живут, смеясь и танцуя, наслаждаясь цветочным вином и кушаньями, самих названий которых нет и не было в языке людей; живут, вдохновляя друг друга любовью, чистой, как детские слезы, — живут вечно и счастливо существа, которым незнакома и чужда человеческая мерзость.

Эльфы...

Когда-то, давным-давно, эльфы жили среди людей. И был мир между всеми существами: эльфами, гномами и людьми. Был мир, но не было дружбы. Гномы торговали с людьми. Люди искали мудрости у эльфов, и изредка Высокий Народ снисходил до того, чтобы раскрыть людям какой-нибудь из секретов мироздания, что-нибудь из того немногого, что было доступно человеческому разуму. В те времена людей было мало. А потом стало больше. Почти все земли, пригодные для жизни, оказались под тяжестью каменных человеческих городов. И пришел час, когда эльфы во всем мире вдруг обрушились всей своей мощью на юное человечество. И грянула война, которую позже назвали Великой Войной. Что именно разгневало Высокий Народ, что заставило их обна-

жить зачарованные клинки против людей, — об этом не говорилось ни в одной легенде. Эльфов было гораздо меньше людей, но эльфийские отряды шли по стонущей земле, почти не встречая сопротивления: что могли противопоставить люди могущественной магии Высокого Народа? Куда могли бежать от серебряных волков, чью шкуру не способны были пробить ни стрелы, ни копья? Где могли укрыться от боевых горгулий, свирепым свистом высекавших из темного неба убийственные молнии? Люди прятались в горных пещерах, но там их убивали гномы, ибо многие из гномьих племен встали на сторону Высокого Народа.

И посреди бушующего пожара Великой Войны осталась лишь жалкая горстка человеческих воинов, тех, кто еще мог сопротивляться — сильнейшие из сильнейших, отчаянные из отчаянных. Последние...

Они укрылись в крепости, укрепив магией ее стены. Они нарекли ту крепость — Цитадель Надежды. И стали ждать смерти, готовясь подороже продать свои жизни. Но когда закипела последняя битва, защитникам крепости стало ясно: из их отчаянья и ярости, из гордости и надежды родилась новая, небывало мощная магия. И отступили эльфы от изувеченных стен Цитадели. Отступили, а потом бросились бежать, преследуемые торжествующим Человечеством.

В той последней битве погибли многие из Высокого Народа. А те, кто выжили, навсегда укрылись в своих Тайных Чертогах, куда закрыт ход и людям и гномам.

А люди вернулись в свои разрушенные города, на поля, где земля была пропитана кровью, на пепелища лесов и деревень, где меж черных углей ослепительно белели кости... Долгие столетия ушли на то, чтобы восстановить уничтоженное.

Горько поплатился Высокий Народ за необъяснимое свое вероломство. Эльфы потеряли право ступать на земли людей. Горько поплатился и Маленький Народ за предательство человека. Тысячи и тысячи гномов были истреблены, а тем племенам, которые во время Великой Войны скрылись в подземных городах, закрыв ворота для жаждущих спасения

людей, под страхом смерти запретили иметь при себе или в жилищах своих оружие...

Отгремела Великая Война. А Колесо Времени покатилося дальше.

Год шел за годом, век за веком, тысячелетие за тысячелетием. И люди стали забывать былую ненависть к Высокому Народу. А эльфы начали снова выходить к людям. Но уже не с оружием в руках, а с богатыми дарами. И, словно желая искупить давнюю вину, изредка забирали какого-нибудь счастливец в свои Чертоги, где — как знали все — его ждало бесмертие в наслаждениях и забавах.

Так говорилось в легенде о Великой Войне, в легенде, которую рассказывали почти слово в слово уже столько лет по всем Шести Королевствам...

И у Иата появилась мечта. Разве он, который может отыскать что угодно и для кого угодно, не способен найти для себя участи немногих — попасть в эльфийские Тайные Чертоги?

Иату исполнилось пятьдесят девять лет, когда король Гаэлона Ганелон Милостивый решил преподнести своей дочери, принцессе Литии, на день совершеннолетия поистине королевский подарок: призвать в Дарбионский королевский дворец трех лучших воинов Шести Королевств — с тем, чтобы доверить жизнь принцессы надежной защите их клинков. Трех воинов, каждому из которых не было равных среди людей. Трех воинов Братства Порога.

И рыцари явились в Дарбион. А спустя несколько недель произошло то, чего так ждал и на что все же осмеливался надеяться Иат.

В Дарбион пришли трое из Высокого Народа. Они пришли во время празднования Турнира Белого Солнца. Они пришли, чтобы оказать принцессе Литии великую честь: забрать ее в свои Чертоги.

Иат, незаметный за спинами придворных, затаив дыхание смотрел на эльфов. Боги, великие боги, как они были прекрасны, эти трое!

При первом взгляде на них можно было бы сказать: «Как они похожи на людей!» Но любой, кто вглядывался пристальнее, отчетливо понимал: это не они похожи на людей, это люди имеют счастье внешне походить на эльфов. Эльфы были гораздо выше самого высокого из тех, кто присутствовал в Зале Пиршеств королевского дворца. Сложены они были так изящно, что человеческие тела в сравнении с их телами казались уродливыми и непропорциональными нагромождениями костей, невпопад залепленных мышцами и плотью и обтянутых скверной, частично покрытой отвратительно торчащей шерстью кожей. Их волосы цвета юной зелени ниспадали изумрудными волнами на грудь и спину, их глаза сияли влажной темнотой, расцветенной золотыми и алыми искрами.

Иат не один оказался очарован нечеловеческой красотой Высокого Народа. Все, кто удостоился чести видеть эльфов, не могли удержаться от восхищенных вздохов. А когда стало ясно, с чем пришли эльфы в королевский дворец, вздохи из восхищенных превратились в завистливые.

Ах, принцесса Лития! Пусть один из рыцарей Братства Порога, великолепный сэра Эрл полюбился тебе, но что такое человек — пусть он и первый красавец и самый доблестный рыцарь Гаэлона и всех Шести Королевств, — что такое человек по сравнению с эльфом? И что такое жалкая человеческая жизнь, ничтожно короткая и переполненная горестями и страданиями, от которых никуда не денешься, будь ты даже принцессой великого королевства, — по сравнению с бессмертием в эльфийских Тайных Чертогах?

Трое из Высокого Народа и счастливая принцесса собрались в путь, когда вдруг случилось то самое... Ужасное, неслыханное... Невероятное!

Рыцарь Братства Порога, один из трех призванных Ганелоном Милостивым в Дарбион; не блистательный сэра Эрл — нет, не здоровенный громила со светлыми волосами, заплетенными в длинные косы, неразлучный с огромным двуручником, укрепленным в наспинной перевязи, а другой — юноша, которого никто до этого не видел в доспехах и вооруженным, невысокий и худощавый, раньше даже мало похо-

дивший на рыцаря, а теперь облаченный в устрашающие черные латы, — вдруг преградил дорогу эльфам и сказал:

— Принцесса останется во дворце.

Иат находился тогда в толпе, робко лелея надежду улучшить момент и подойти к кому-нибудь из Высокого Народа, и не поверил своим ушам. Как и все, кто слышал рыцаря. Ганелон, мгновенно перепугавшийся, послал гвардейцев остановить безумца.

Гвардейцы рыцаря не остановили. А эльфы... эльфы просто ушли. Не посчитав нужным покарать нечестивца.

И принцесса осталась во дворце.

То, что пережил Иат после всех этих событий, не поддается описанию. Как он клял себя за то, что не смог... не решился подойти к кому-то из Высокого Народа. Да, он ничтожный червь, недостойный даже дыханием своим оскорблять помещение, куда ступили эти существа — Высшие Существа. Но... вдруг? Вдруг судьба дала ему шанс исполнить свою мечту, а он этот шанс упустил?..

И еще. Иата с того самого дня, как эльфы ушли из Дарбиона, стал беспокоить мутный страх. Ведь Высокому Народу нанесли оскорбление! Страшное оскорбление! И оно не останется безнаказанным. Не может остаться, никак не может.

Что-то случится. Что-то чудовищное. Этот безумный рыцарь нарушил нечто важное, чего нарушать никак нельзя — так чувствовал Иат.

И не обманулся.

Вскоре вошла над небом Шести Королевств Алая Звезда. Она была знаком хлынувших на земли людей бедствий. В Дарбионском королевском дворце случился переворот. Так тщательно и искусно он был подготовлен, что даже Иат не сумел заранее распознать зловещую возню, хотя понимал: подобные вещи готовятся очень долго. Король Ганелон Милостивый был зарезан в собственной опочивальне. Как позже стало известно во дворце, правители остальных пяти Королевств были также убиты. Дворец в Дарбионе наполнился

незнакомыми людьми — преимущественно магами. И несколько дней продолжались казни и убийства верных королю людей. Рыцари Братства Порога: сэр Эрл и светловолосый великан с двуручником хитрым обманом оказались заточены: один в своих покоях, второй — в тюремном подвале. Принцессу Литию, запертую в опочивальне, старательно охраняли. А того нечестивого безумца, оскорбившего Высокий Народ, заговорщики почему-то не тронули...

Иат затаился. Для многих во дворце он был человеком незначительно мелким и мог надеяться на то, что резня обойдет его стороной. Так и вышло. Кто станет обращать внимание на слугу? Боль утраты упущенного шанса немного притупилась. Иат решил обождать, понимая: какая бы ни была новая власть, у ее представителей тоже найдутся потаенные страсти, которые нужно будет обслуживать. Он не останется не у дел. Мечта его — когда-нибудь оказаться в эльфийских Чертогах, перейдя в разряд несбыточных, — окаменела на его душе тяжким грузом.

Но богам было угодно сжалиться над ним и обратить на него свой взор.

И через несколько дней после переворота в голове Иата чудесной музыкой зазвучал неведомый голос...

Да, так и произошло. Иат услышал голос, настолько прекрасный, что он просто не мог принадлежать человеку, услышал — хотя никого рядом с Иатом не было.

Он сразу понял, кому понадобился, кто говорит с ним, а когда понял, не удержался от светлых слез радости. В тот момент он находился один в своей камерке, но даже если бы стоял в окружении сотен людей — все равно не сумел бы не заплакать. Ведь это они... *они* просили его об услуге! А взамен давали ему право выбирать любую награду.

Высокий Народ, будто услышав его грезы (или на самом деле услышав?), обратился к нему, к Иату. Надо же: и Высокому Народу оказалось нужным его удивительное, редкое искусство. Выполнять *особые поручения*.

То, что просили сделать эльфы, не являлось очень трудным делом. Но и не было легким. Иат должен был вывести из Дарбионского королевского дворца троих рыцарей Братства

Порога и принцессу Литию. Вывести так, чтобы никто потом не нашел никаких следов.

Иат вдохновенно принялся за дело. Но его вроде идеально составленный план едва не провалился. Рыцарям Братства Порога по несчастливой случайности взбрело в голову именно в этот день самостоятельно пробиваться из заточения. Они действительно оказались выдающимися воинами. Лучшими из всех существующих и из всех, когда-то живших; каждый из них стоил целой армии. Но даже такие воины вряд ли смогли бы уйти из дворца, наполненного гвардейцами генерала Гаера, вставшего на сторону заговорщиков и сумрачных чужаков-магов.

Иат все же сумел вывести и рыцарей и принцессу. Он привлек к своему делу двоих головорезов из Ночного Братства, которые провели беглецов по древнему подземному ходу из дворца к условленному месту — за городской стеной, где уже ждали четыре превосходных скакуна, а в седельных сумках Иат оставил порядочно золота, провизии и кое-какое оружие.

Учитывая непредвиденные обстоятельства, чуть не сорвавшие дело, все прошло более-менее гладко. С головорезами Иат потом расплатился — отравленным вином, потому что было сказано ему: не оставлять следов.

Расплатился и стал ждать обещанной платы. То, о чем он мечтал последние годы. То, о чем со слезами на глазах прошептал в темном одиночестве своей каморки, когда в голове его раздался голос из далеких и прекрасных Тайных Чертогов...

ГЛАВА 2

В доме деревенского старосты Укама садились ужинать.

Хозяйка, матушка Нана, раздобревшая от множества родов, несмотря на душный летний вечер укутанная в теплый платок, тряпичным шаром каталась по просторной горнице туда и обратно — от закута, где располагалась печь, к столу, длинному и массивному, будто гробница. Староста Укам са-

молично сработал этот стол, а все, что делал староста, было крепким, основательным и надежным. Одним из главных подтверждений этого был Карам, старший сын Укама, такой же рослый, необычайно широкоплечий и твердоскулый, как и отец. Младшие сыновья старосты: погодки Вара и Гаш, лишь немного уступали Караму ростом и силой. А вот единственная и любимая дочь Реша удалась Укаму лучше прочих детей. Реше было всего пятнадцать, а двадцатилетний Карам рядом с ней смотрелся сопляком.

Домашним хозяйством девушка не занималась — глиняные горшки и миски, как и рукояти ухватов и сковородок, были слишком хрупки для ее могучих рук. Что уж тут говорить о костяных иглах и шерстяных нитках... И рукоделью матушка Нана не смогла обучить Решу. Да девушка вовсе и не печалилась по этому поводу.

Кузнечное ремесло — вот что было тем единственным делом, к которому лежала душа Решы. Здешние земли издавна славились дремучими лесами. Еще прадед Укама гонял по этим лесам огров и лесных троллей, дед Укама вырубал вековые деревья, освобождая землю для пашен, а отец Укама сеял на отвоеванных территориях пшеницу, ячмень и просо. А вот гор поблизости не наблюдалось, а значит, не было и гномьих селений, поэтому местным жителям не у кого было покупать металлические изделия и приходилось изготавливать их самим.

И ковала Реша односельчанам лопаты, топоры, ножи и подковы: из заготовок, за которыми одна, без сопровождения мужчин ездила в ближайший город — Арпан. Когда-то Вара и Гаш ездили вместе с ней, но с тех пор, как однажды на глухой лесной тропинке им встретилась шайка залетных душегубов, Укам уверился в том, что охрана девушке не нужна совершенно. А Вара и Гаш еще долго с почтительным смехом пересказывали по деревне историю о том, как после короткой стычки, в которой они так и не успели принять участие, разбойники, вмиг растеряв наглость и оружие, с воплями ужаса бежали по лесу, прыгая через кучи бурелома. Ну... те из них, кто еще мог бегать...

Правда, лишь одно беспокоило старосту Укама в отношении его любимой дочери: близилось время совершеннолетия

юной девы Реши, а достойного жениха у нее все не было. Откровенно говоря, в деревне Решу побаивались. Да и сама девушка на местных ухажеров смотрела свысока и в прямом, и в переносном смысле этого слова — самый долговязый из деревенских парней едва доставал Реше до подбородка!

В доме Укама любили поесть. А ужин в этой семье традиционно считался главной трапезой, когда нужно было плотнее набить животы, чтобы крепче спалось, ибо всем известно, что хороший сон и добрый слой жирка — основа здоровой и долгой жизни.

В тот вечер начали с ячменной похлебки, сдобренной гусяным салом. Укам шумно хлебал, запихивая глубокую деревянную ложку в густые заросли пегой бородищи, и грозно сверкал из-под косматых бровей в сторону Вары и Гаша, если те начинали пихать друг друга локтями, вспоминая какое-то недавнее забавное происшествие, и приглушенно гыгыкать. Вара и Гаш под взглядом папаши тут же смолкали, по опыту зная, что за этим последним предупреждением немедленно последует полновесный удар ложкой по лбу.

Карам сидел прямо и, подражая отцу, тоже время от времени бросал в сторону молодежи суровые взгляды. Правда, когда Реша водрузила в центр стола здоровенную доску, на которой исходил пряным паром целиком зажаренный молочный поросенок, Карам, забывшись, в нетерпении закладал зубами и заерзал на лавке, протянув к поросенку ручищу. И тут же ложка папаши Укама звонко треснула его между глаз. И правильно: надлежало дожждаться, пока женщины поставят на стол остальные блюда, сопутствующие главному, и усядутся сами, а потом уж продолжать ужин.

На столе одна за другой появлялись глубокие плошки с печеной репой, отварным белейшим картофелем и лепешками, политыми сметаной. В последнюю очередь матушка Нана втиснула между плошек пару кувшинов с кислым вином и опустила по правую руку от хозяина. Слева от старосты села на жалобно скрипнувшую под ней скамью юная дева Реша.

— Ну-тка... — прокашлявшись, произнес Укам и вознес над поросенком тусклое лезвие ножа, готовясь отмахнуть себе изрядный кусок из особенно подрумяненной задней части.

В этот благословенный момент во дворе дома хрипло и громко залаял Волк — лохматая псина, размером с хорошего теленка. Укам нахмурился. Гостей он не любил, тем более таких, кто шляется по чужим дворам в то время, когда все добрые люди садятся ужинать. Впрочем, беспокоился староста не сильно. Сейчас Волк доходчиво объяснит незваному пришляку, что для визита тот выбрал явно не добрый час...

Глухой удар оборвал лай. И тут же двор наполнился воющим визгом, таким перепуганно-жалобным, что даже трудно было поверить — это скулит побитым щенком грозный матерый Волк.

Никто из сидящих за столом не успел вымолвить ни слова, как вдруг дверь распахнулась и в горницу шагнул здоровенный детина, ростом и шириною плеч не уступавший, пожалуй, Реше и годами опередивший девушку, может быть, всего лет на пять.

Выглядел этот детина так, что с первого взгляда можно было определить в нем чужестранца. Добротные доспехи, выполненные из кожи неведомого животного, облегли его с ног до шеи; острые шипы, набитые на подошвы низких сапог с металлическими мысками, оставляли на древесине пола глубокие царапины, и дорожный плащ, пропыленный донельзя, волочился за ним следом. Белые длинные волосы незнакомца были заплетены в две ниспадающие на грудь толстые косы. Причем правая выглядела гораздо короче левой, точно ее обрезали...

Или обрубил в бою. Присмотревшись, Укам заметил на кожаных доспехах почерневшие следы крови, частые и обильные; на лбу детины темнела недавняя рана. Похоже было на то, что пару дней назад этот человек попал в нештучную переделку. В руках у незнакомца была дубина, величиной с оленью ногу. Впрочем, войдя и мельком осмотревшись, он поставил дубину у двери.

— Мир дому вашему! — гроыхнул детина, подходя к столу и обшаривая его цепким взглядом.

Вслед за этим он увесисто хлопнул по плечу начавшего приподниматься Карама, припечатав того к скамье, подмигнул по отдельности Реша и матушке Нане, сдернул с себя дождевой плащ и молниеносно скрутил из него узел. Потом, плотоядно осклабясь, ухватил поросенка и бросил его в узел.

У Вары и Гаша одновременно и одинаково вытянулись физиономии. Онемевший от наглости незнакомца Укам вскочил на ноги и с хриплым рыком почти по рукоять вогнал свой нож в стол.

— Не переживай ты так, папаша, — невозмутимо сыпая в импровизированный мешок картошку, посоветовал детина. — Мы, почитай, третий день толком не ели. Вам только загашники стоит развязать, чтобы заново на стол собрать, а у нас...

Вара и Гаш кинулись на детину с интервалом в один вдох. Так как одна рука у незнакомца была занята узлом, а во второй он держал плоску с вареным картофелем, подскочивший первым Вара получил под дых окованным железом мыском сапога. Гаш с размаху рухнул на пол, споткнувшись о Вару.

— ...а у нас уже давно кишка кишке стучит по башке, — договорил незнакомец.

Опустошив плоску, детина, будто наглядно иллюстрируя последнее свое высказывание, разбил ее о голову подоспевшего Карама, и тот, обалдело икнув, брякнулся на задницу.

Незнакомец пожал плечами в ответ на испуганный взгляд матушки Наны, словно хотел сказать: «Разве ж я первый начал? Я по-хорошему хотел...» — и смахнул в узел репу прямо с плоской.

— Реша, — зарычал Укам, пятясь к печи, возле которой стоял ухват, — Реша, дочка! Шибани лиходею по маковке, чтоб на чужое добро пасть свою поганую не разевал. Шибани со всей силушки, как ты умеешь! Реша!

Но могучая Реша почему-то не спешила ввязываться в драку. Она сидела на своем месте и, зардевшись, застенчиво терзала передник. Видно, этому нахальному пришляку нево-

льно посчастливилось тронуть в ее душе какие-то особые струны, чего до сих пор не удалось сделать ни одному из местных парней.

— Реша! — рывкнул опять старик Укам и тут только разглядел лицо дочери и все понял. — Ах ты ж... — захрипел он, первый раз в жизни озлившись на Решу. — Ах ты ж... шалава такая!

— Папенька! — вскинулась Реша.

— Ты, папаша, не прав вовсе, — заявил детина, деловито собирая в узел остатки того, что стояло на столе. — Нельзя погаными словами юную деву пачкать. Да и пристойно ли будет этакой красавице кулаками махать?

От этого высказывания Реша часто-часто захлопала ресницами и, должно быть, окончательно растерявшись, с треском выдрала из передника изрядный клок.

Укам взял в руки ухват, но перейти в нападение все не решился. Карам, держась за голову, поднялся, подался было в сторону детины, но тот, перехватив узел левой рукой, правой коротко ткнул Караму в зубы, и старший сын старосты полетел через всю комнату, при приземлении проломив тяжелым телом скамью.

Незнакомец огляделся, словно проверяя, не забыл ли еще чего-нибудь прихватить. Взгляд его зацепился за кухонный нож, воткнутый в столешницу; он шагнул к столу, отпихнув ногой хозяйскую скамью и без опаски повернулся спиной к вооруженному ухватом Укаму. Староста удачного момента не упустил. Размахнувшись, он изо всех немалых сил обрушил свое орудие на широкую спину незнакомца.

Звонкий удар — будто один великан другому отвесил пощечину — раскатился по комнате. Древко ухвата треснуло, и в руках Укама остался лишь короткий обломок, а детина только передернул плечами, словно его цапнул забравшийся под кожаные доспехи шершень.

— Ну, папаша, — несколько удивленно проговорил незнакомец, оборачиваясь с ножом в руке к ошалевшему Укаму. — Мечом меня били, копьем кололи, ножом пытались пырнуть, шестопером раз едва жизни не лишили... клыками

грызли, шипами драли, щупальцами стискивали... Даже дубиной получал, бывало, но чтоб ухватом, да по хребтине...

Он подкинул нож под самый потолок и спустя один удар сердца ловко поймал его снова за рукоять. Цвет лица Укама мгновенно изменился с багрового до мертвенно-синеватого.

— Удивил, папаша, — закончил детина и сунул нож за пояс.

Староста сглотнул с такой натугой, будто проглатывал не слюну, а кусок глины в кулак величиной.

А незнакомец, выдув напоследок полкувшина кислого вина, перекинул разбухший узел на плечо и направился к выходу. У двери он помедлил для того, чтобы захватить с собой здоровенный топор. Великодушно оставив свою дубину, еще раз подмигнул Реше и скрылся в вечернем синем сумраке.

Тихо стало в горнице. Поэтому Укам прекрасно слышал, как незнакомец скорым шагом пересек двор и махнул через калитку. А потом дробно застучал, угасая постепенно, цокот лошадиных копыт.

Укам швырнул на пол обломок древка ухвата и затопал ногами. Поняв, что опасность миновала, не получивший никаких повреждений Гаш прекратил притворяться тяжелораненым и вскочил на ноги.

— Ух как он меня! — закричал Гаш. — Врасплох застал, гад! Да мы таперча всю деревню на этого головореза подыдем! Да мы его из-под земли выроем и обратно зароем! Да мы!.. Скажи, Вара!

Брат ничего не сказал. Он все еще пыхтел на полу, пытается восстановить дыхание. Гаш обратился к Караму, но и тот только простонал что-то в ответ, ворочаясь в куче обломков, в которые превратилась длинная скамья.

— Угомонись, кузнечик! — рыкнул немного успокоившийся Укам на сына. — Деревню он подымать собрался... Слышал, что этот злодей сказал? «Мы почитай три дня не ели толком» — вот что он сказал! «Мы!»! — понял ты? Видать, не один он... А ежели с ним еще десяток таких душегубов? А то и два десятка?.. Сядь и сопи в две дырки. Оглоед! Пень безголовый! Тухлятина!

Укам сделал паузу, чтобы передохнуть, а потом обрушить на Вару еще одну порцию ругательств, но тут ему на глаза попала любимая дочь. Реша, упершись монументальными локтями в столешницу, уложив на мощные ладони подбородок, мечтательно уставилась в заоконную темень.

— Тьфу! — не подыскав нужных слов, сплюнул на пол Укам.

Лес был древним. Даже здесь, недалеко от опушки, деревья поражали своими размерами; обхватить ствол не самого большого из них вряд ли сумели бы пятеро взявшихся за руки взрослых мужчин. Кроны деревьев в этом лесу шумели на высоте полета птиц — глухо и вкрадчиво, будто перешептывались между собой. Мощные корни высоко вздымались из-под земли застывшими чудовищными змеиными кольцами и кое-где переплетались, образуя причудливые своды, под которые человек мог войти, не наклонив головы. Под этими сводами было темно, пахло сладкой листовяной сыростью, а землю покрывал густой и мягкий ковер серого мха.

Двое путников, юноша и девушка, сидели под деревом в укрытии свода корней, будто в уютном походном шатре. Невысокое пламя разложенного в ямке костра разделяло их, и синий лунный свет, рассеянный ветвями далеких крон, мельчайшей серебряной мукой осыпал переплетения корней над их головами. Неподалеку от костра журчала почти невидимая во мху струйка ручейка. У ручейка, устало всхрапывая, два скакуна со спутанными копытами объедали зеленые прутья древесной поросли.

Юноша, невысокий и худощавый, удобно скрестив ноги, сучком с острым сколом очищал от влажной земли крохотные, в полпальца размером, корешки, складывая очищенные на широкий лист лопуха. Он был одет в легкую дорожную куртку, длинные штаны из бычьей кожи и мягкие низкие сапоги; широкий кожаный пояс плотно охватывал его талию, и никакого оружия на этом поясе заметно не было. На вид юноше было не больше двадцати, но две совершенно седые

пряди, ярко выделявшиеся на фоне длинных черных волос, обрамляли его лицо.

— Определить, ядовитые растения или съедобные, не так-то просто, — обращаясь к девушке, говорил он за работой, — потому что единого признака, по которому можно это сделать, вовсе нет. К тому же в разных растениях яд распределяется по-разному. У каких-то ядовиты только плоды, а цветки и листья безвредны. У каких-то наоборот: плоды можно есть, а до цветков и листьев даже дотрагиваться опасно. А у иных только корни употребляют в пищу, да и то — хорошенько отварив. Ядовитые растения нужно знать...

Девушка, закутанная сразу в два дорожных плаща, отчаянно боролась со сном. Она устремляла взгляд на юношу, пытаясь изобразить на лице внимание, но веки ее смыкались, и голова клонилась на грудь. В один момент усталость победила — длинная и мягкая тень ресниц упала на лицо девушки, губы приоткрылись... Но юноша безжалостно разбудил ее, приподнявшись и вытянув руку, чтобы дотронуться до ее плеча. Девушка вскинула голову. Капюшон плаща упал ей на плечи, и густая копна золотых волос засияла, казалось, ярче пламени костра. Только теперь стало видно, что девушка замечательно красива — красотой нежной и юной, будто едва-едва раскрывшийся цветок, не познавший еще ни слишком холодного ветра, ни чересчур жаркого солнца.

— Ваше высочество, — негромко, но настойчиво проговорил юноша, — вы задали мне вопрос, но ответа еще не получили.

— Да-да... — часто моргая, ответила золотоволосая. — Я... да... спросила...

— Я увидел, что мои слова летят мимо вас. Прошу меня простить, ваше высочество, но именно поэтому я взял на себя смелость прервать ваш сон. Итак, мы остановились на том, что ядовитые растения нужно знать. Многие легкомысленно считают, что, употребляя в пищу растения, которые поедают дикие животные, они не подвергают себя опасности. Это не так. Дело в том, что человек и животные неодинаково воспринимают яды...

— Сэр Кай! — неожиданно взмолилась девушка. — Пожалейте меня! Мы уже три дня в пути! Я так устала и так голодна, что едва жива. Я всего лишь спросила: уверены ли вы, что корешки, которые вы отыскиали, не ядовиты... Я... сделала это... из учтивости, чтобы поддержать разговор...

— Вопрос звучал не так, — довольно строго произнес юноша, которого спутница поименовала сэром. — Вы спросили: как можно определить, ядовиты растения или нет? Вы задали вопрос. Следовательно, вы возложили на меня ответственность дать вам ответ. И взяли ответственность на себя: выслушать все, что я по этому поводу знаю.

— О милостивая Нэла... — пробормотала золотоволосая, сжав пальцами виски. — Да я ведь просто так спросила! Неужели нельзя просто так ответить?

Юноша внимательно посмотрел на нее. Пальцы его на протяжении всего разговора неустанно и ловко продолжали очищать корешки — на листе лопуха выросла уже порядочная кучка, а неочищенных осталось всего несколько штук.

— Рыцарю Болотной Крепости Порога недостойно *просто так* болтать языком, ваше высочество, — сказал он. — Я не могу оставить ваш вопрос без ответа — этого требует наш Кодекс чести. Вы ведь должны помнить: вы вольны задать рыцарю-болотнику любой вопрос. И будьте уверены, что получите честный и подробный ответ... Я не вправе оставить ваш вопрос без ответа, потому что не вправе нарушить ни единого правила Кодекса. Не отступать от избранного пути ни на самый ничтожно малый шаг — это Долг рыцарей Болотного Порога. Я здесь, с вами, ваше высочество, чтобы оберегать вашу жизнь, жизнь дочери короля Гаэлона: я поклялся делать это, покуда жив. Вы просили меня увезти вас из захваченного врагом Дарбионского королевского дворца, а я обещал доставить вас в Крепость Болотного Порога — и разве у вас мелькнула хоть тень сомнения, что в один прекрасный момент я нарушу данное мною в Дарбионе обещание?

Золотоволосая девушка — королевская дочь, принцесса, как стало ясно из слов сэра Кая, — молчала несколько ударов сердца, прежде чем ответить.